

РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

В статье рассмотрена новая концепция, касающаяся начальных этапов происхождения и формирования Руси. На основании критического разбора аргументов, приведенных К. Цукерманом, изложена критика основных положений концепции.

Историография темы происхождения Руси необычайно широка. Интерес к ней постоянен в отечественных и зарубежных исследованиях. И кажется все, что можно было сказать, уже сказано, а на долю нынешнего поколения историков осталась лишь трудная проблема выбора. Но как свидетельствует статья К. Цукермана, согласиться с такой участью оно не может и выносит на суд читателей свое особое мнение. В данном случае достаточно амбициозное, претендующее на пересмотр всей начальной истории Древней Руси.

Тезисно концепция К. Цукермана выглядит следующим образом. До образования Руси Киевской русская государственность пережила два этапа своего формирования. Первый приходится на 30—70-е годы IX в., второй — от прихода на Русь Рюрика в 895 г. до начала X в., когда ее политический центр перемещается в Среднее Поднепровье. На первом этапе государственное образование называлось Русским каганатом, находилось в бассейне Волхова, а столицей была Ладога. В начале 70-х годов IX в., в результате какой-то неизвестной межплеменной войны, каганат оказался разрушенным, а на смену ему пришло новое образование во главе с Рюриком. Центром его, можно думать, был Новгород (Рюриково городище), названием — все та же Русь. Правда, теперь это уже был, как будто, не каганат. В заключение автор замечает, что «если эта концепция верна, то начальная история Древней Руси должна быть в корне пересмотрена».

Какими же аргументами К. Цукерман поддерживает свою сенсационную концепцию, и все ли они оригинальны? Оказывается, не все — многие позаимствованы у предшественников, что называется, по методу предпочтения. Русский каганат основали шведы, которые обрели названия «Ros», «Rus», «Русь» от финского слова «Ruotsi». Что касается географической локализации каганата, то автор придерживается гипотезы Д.А. Мачинского, располагавшего его на севере, в бассейне Волхова. Все остальные мнения на этот счет во внимание не принимаются, поскольку будто бы не выдерживают критики. Чьей критики? Разумеется, не К. Цукермана, но тех исследователей, с которыми он солидарен. Идея автохтонного происхождения названия «Русь» от иранского «Rhos» (Rosomani, Roxolani), которую обосновывали в свое время Г. Вернадский, Б. Рыбаков и другие историки, для К. Цукермана неприемлема по той причине, что ее подвергли резкой критике Е. Мельникова и В. Петрухин. А неприятие Руси на Днепре в IX в. основывается на отсутствии здесь скандинавских древностей того времени. При этом автор почему-то ссылается не на результаты исследований украинских археологов, а на критический обзор их работ, выполненный И. Каллмером.

Понимая, что рассуждения о Русском каганате в бассейне Волхова будут хоть чего-нибудь стоить, если удастся доказать, что Киев в то время и вовсе не существовал, К. Цукерман значительную часть своей статьи посвящает именно этому доказательству. Причем он не пытается разобраться в киевских древностях сам, а ссылается на авторитет своих предшественников. Ему, в частности, импонирует мнение И. Каллмера, что начало самого раннего «урбанистического» этапа в истории Киева приходится на 80-е годы IX в. и что этот век — один из наименее интересных периодов в истории данной издревле заселенной местности.

Давно уже замечено, что менее всего интересно нам то, чего мы не знаем. Если бы И. Каллмер, а вслед за ним и К. Цукерман потрудились изучить труды

киевских археологов, то они бы увидели, что культурные слои Киева, датирующиеся VIII—IX вв., обнаружены на значительной площади, исчисляющейся десятками гектаров. Дендродата одной из построек Подола — 887 г. — вовсе не является доказательством начала урбанистического этапа в истории Киева. Просто археологам посчастливилось обнаружить остатки одной из сохранившихся его ранних построек. Она стояла на культурном слое, который образовался в течение VIII—IX вв., содержал керамику, изготовленную на круге так называемого курганного типа, и лепную. Если исходить только из дендродат, то придется признать, что в Верхнем Киеве урбанистический этап вообще не наступил, ведь там археологическое дерево не сохранилось вовсе. Да и подольское ископаемое дерево нам удалось обнаружить только в 70-х годах XX в.

Второе важное доказательство «небытия» Киева в IX в. — якобы отсутствие на его территории восточных монет двух последних третей IX в. Здесь К. Цукерман ссылается на мнение Т. Нунана, утверждающего отсутствие торговых связей между Киевом и Востоком ранее 900 г.

Следует отметить, что вывод этот не нов: лет за 30 до Т. Нунана он был сделан М.К. Каргером¹. Согласно ему, распространенное до недавнего времени положение о том, что киевские клады восточных монет охватывают период с конца VIII до начала X в., не соответствует действительности. Никаких кладов VIII и даже IX вв. в Киеве не найдено. Все они зарыты в землю в первой половине X в. Именно в то время, как полагал М.К. Каргер, и устанавливаются прочные связи Киева со среднеазиатским Востоком².

Мне уже приходилось писать об этом необъяснимом заблуждении М.К. Каргера и последовавших за ним нумизматов³. Для характеристики торговых связей Киева с Востоком важным является не столько время зарытия кладов, сколько даты самих монет. Редко какой клад состоит из одновременных монет, большей частью эти ценности собирались, изменяя свой состав под воздействием рынка, на протяжении нескольких столетий. Последняя монета в кладе указывает не столько на дату его зарытия, сколько на то, что с того времени он больше не пополнялся новыми монетами. Считать, что время поступления всех монет в Киев должно определяться датой позднейших, методически неверно. В Киеве найден клад, в котором среди 200 медных куфических монет VIII—X вв. было несколько поздних, датируемых XIII в.⁴ Характерно, что и одиночные находки арабских монет (в культурных слоях и погребениях) также датируются VIII—X вв. Без признания существования налаженных торговых связей Киева с Востоком в VIII—X вв. (наибольшее число монет относится к IX — началу X в.), о чем свидетельствуют и восточные авторы, подобная закономерность нумизматических находок не может быть удовлетворительно объяснена. Даты кладов указывают не на установление прочных связей Киева с Востоком, а скорее на их прекращение.

Таким образом, на основании находок восточных монет на территории Киева нет и малейшей возможности утверждать о каком-то экономическом вакууме в Среднем Поднепровье во второй половине IX в. Наличие связей Киева с Востоком в VIII—X вв. подтверждают другие находки, в том числе салтовская керамика, выявленная в жилище VIII—IX вв. и в культурном слое Подола, а также обнаруженный могильник с катакомбными погребениями в пределах «города Ярослав».

Еще менее убедителен аргумент, согласно которому говорить о Южной Руси IX в. не позволяет полное отсутствие каких-либо скандинавских находок ранее X в. в Киеве и на всем Среднем Поднепровье. Не правда ли, интересная логика рассуждений? Сначала априори принимается вывод о том, что русы — это шведы, а затем отсутствием следов этих самых шведов в Киеве ранее X в. доказывалась невозможность нахождения здесь и Руси.

Объективности ради, следует сказать, что не все так безнадежно. Скандинавские следы IX в. в Киеве все же имеются, в том числе и в захоронениях. Это так называемые скорлупообразные, а также кольцевые фибулы с длинными и обычными иглами, которые датируются IX—X вв. Однако, причем здесь русь? В летописи северных пришельцев называют варягами. Чудесное их превращение в русов происходит только после прихода в Киев.

На Киев Олег выступил «пойми вой многи, варяги, чюдь, словѣни, мерю,

весь, кривичи». После овладения Киевом Олег провозгласил его «матерью городам руским», а северная дружина получила наименование руси. «И съде Олегъ княжа въ Киевѣ ... И бѣша у него варязи и словѣни и прочи прозвашася русью»⁵.

Летописец и позже будет четко отличать русь от варягов и даже новгородских словен. В 1015 г. Ярослав выступил из Новгорода на Киев с тысячью варягов и тремя тысячами других воинов. Навстречу ему из Киева вышел Святополк «пристрои бешисла вои, Руси и печенѣгъ»⁶. После утверждения в Киеве уже Ярослав становится обладателем русской дружины. Для похода против Святополка и Болеслава он «совокупил Русь, и варяги, и словѣнѣ»⁷.

Из этих и других летописных известий видно, что варяги не приносили на юг новое название, но обретали его здесь. Оно для Среднего Поднепровья было органичным со времен древних «росов». Арабские географы в IX в. постоянно упоминают русов как обитателей южных регионов восточнославянского мира. Аль-Хорезми в сочинении «Книга картин земли», написанном между 836—847 гг., упоминает реку Друс (Данапрос — Днепр), которая берет начало из Русской горы (Джабал-Рус). Сочинение неизвестного автора IX в. «Худуд-ал-Алам» сообщает, что «страна русов находится между горой печенегов на востоке, рекой Рутой на юге и славянами на западе. А царя их называют хакан русов»⁸.

Видимо, не случайно первые киевские летописцы называли Руским и Черное море: «А Днѣпръ втечетъ в Понетъское море тремя жерелами, еже море словеть Руское»⁹. Ни Ильменское озеро, ни Балтийское море такого названия не имели.

Теперь — об ильменско-волховском местоположении так называемого Руского каганата. Доказательства в пользу его существования более чем сомнительны. Ссылка на переписку византийского императора Василия I и Людовика II Итальянского никак не проясняет дело. Василий говорил, что титул кагана носят верховные правители аваров, хазар и норманнов, а Людовик II отметил, что знает лишь об аварском кагане, но не заметил ни хазарского, ни норманнского. Из этого К. Цукерман делает следующий вывод: «Норманнский каган, неизвестный франкскому императору, может быть только каганом народа Rhos, упоминаемого в Бертинских Анналах».

А почему не каганом хазар, ведь последний тоже неизвестен Людовику II? К тому же, письмо императора Василия I датируется 871 г., когда, согласно К. Цукерману, Русский каганат в бассейне Волхова был уже разгромлен, а новое государственное объединение во главе с Рюриком появится только через четверть столетия.

Сведения восточных авторов позволяют говорить скорее о славяно-русском каганате, чем о норманно-славянском. Аль-Якуби упоминает государя славян (al-Sakaliba), а Ибн Хордадбех и другие арабские географы постоянно смешивали русов и славян.

Из сообщений о походах русов на Константинополь и в Закавказье можно сделать вывод о сравнительно большом их государственном образовании, располагавшем значительными людскими и материальными резервами. О малооселенном в IX в. волховско-ильменском крае этого не скажешь. К тому же, он находился на невероятно далеком для раннего средневековья расстоянии от Византии и Закавказья, чтобы можно было осуществить даже простое путешествие в эти страны, а не то, чтобы предпринять военную экспедицию. Странным кажется и то, что предполагаемый Русский каганат в бассейне Волхова, не отличавшийся воинственностью по отношению к своим соседям, наводил ужас на народы и страны, удаленные от него за несколько тысяч километров.

Я не знаю, корректен ли вообще вывод о Руском каганате IX в. Но если он и существовал, то находился, безусловно, не на севере, а на юге восточнославянского мира. Скорее всего, на среднем Днепре, а его политическим центром был Киев. В более поздние времена отсюда предпринимались военные походы в Крым и Византию, и именно здесь мудрые киевские книжники называли князей Владимира и Ярослава каганами, как бы воскрешая тем самым времена начальной Руси. Как свидетельствует летопись, уже с Олега русские правители именовались князьями или великими князьями.

Одним из доказательств в пользу того, что походы на Византию и ее черноморские владения осуществлялись в IX в. из Киева, служат находки в нем византийских монет. Наиболее ранние из них принадлежат императорам Михаилу III

(842—867), Василю Македоняну (867—886), а также Василю I и Константичу (876—879). Монеты названных императоров найдены и в других пунктах Среднего Поднепровья. В Ладоге или Рюриковом городище подобных свидетелей руско-византийских контактов для того времени нет. Конечно, было бы невероятно, если бы именно отсюда в продолжение 30—70-х годов IX в. осуществлялись визиты и походы русов в Константинополь.

В заключение несколько слов о несовершенстве ранней хронологии «Повести временных лет». Конечно, она относительна. В сомнениях К. Цукермана нет ничего необычного и нового. Они высказывались даже во времена Николая I, который, согласно С.М. Соловьеву, запретил подвергать критике дату основания Русского государства, указанную преподобным Нестором. Здесь уместно напомнить, что летописание на Руси велось с конца X в., а следовательно, ответственность за хронологию должны разделять вместе с Нестором и его предшественники. Это важно подчеркнуть, поскольку во многих исследованиях можно прочитать, что Нестор писал летопись в начале XII в., а поэтому не мог знать, когда произошло то или иное событие в предшествующие века. Ранняя хронология действительно нуждается в уточнении, но попытки ее пересмотра почти всегда оказываются малоубедительными. Не являются исключением и уточнения К. Цукермана. Выверка ранней хронологии на основании дендродат поселений Новгородщины или слоев пожарищ на них не может быть признана корректной, поскольку нет уверенности в том, что они хоть как-то коррелируются с летописными известиями. Обе новые даты (870 г. — гибель Руского каганата в бассейне Волхова и 895 г. — приход на Русь Рюрика) в такой же (если не в большей) мере гадательны, как и свидетельства летописи 859 г. о приходе варягов «из-за моря» и 862 г. об их изгнании.

Из изложенного выше следует, что, вопреки надеждам К. Цукермана, историкам придется все же воздержаться от коренного пересмотра начальной истории Руси.

¹ Каргер М.К. Древний Киев. — М.; Л., 1959. — Т. 1. — С. 116—126.

² Там же. — С. 123—124.

³ Толочко П.П. Древний Киев. — Киев, 1983. — С. 165—166.

⁴ Тизенгаузен В. О кладе куфических монет, найденном в Киеве в 1803 г. // Археологический вестник. — М., 1817. — С. 198.

⁵ Повесть временных лет (далее ПВЛ). — М.; Л., 1950. — Ч. 1. — С. 20.

⁶ Там же. — С. 96.

⁷ Там же.

⁸ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. — М., 1965. — С. 399.

⁹ ПВЛ. — Ч. 1. — С. 12.

Одержано 14.10.2002

П.П. Толочко

РУСЬ СПОКОНВІЧНА

Історіографія теми походження Русі надзвичайно широка. У вітчизняних та зарубіжних дослідженнях інтерес до неї постійний. Концепція, запропонована К. Цукерманом, претендує на перегляд усієї початкової історії Древньої Русі. При цьому більшість аргументів автор запозичив у попередників, що називається, за методом віддання переваги. Критичний аналіз їх свідчить, що, всупереч надіям автора концепції, історикам доведеться все ж утриматися від корінного перегляду початкової історії Русі.

P.P. Tolochko

THE PRIMORDIAL IS THE RUS

The historiography of the Rus origin question is extraordinary general. Native and foreign researchers show interest in this subject constantly. Propounded by C. Zuckerman conception aspires to reconsideration of the whole of Ancient Rus origin history.

Moreover, the author takes the mane part of arguments out of predecessor's books, so to say, by the preference method. Their critical analysis is evidence that, nevertheless, historians should keep from fundamental reconsideration of the origin history of Rus counter to author's prospects of it.